

АЛЕКСАНДР
ПОЛЯКОВ

ПОКУШЕНИЕ НА ГОЭЛРО
ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Александр Поляков

Покушение на ГОЭЛРО

«Алисторус»

1983

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Поляков А. Ф.

Покушение на ГОЭЛРО / А. Ф. Поляков — «Алисторус»,
1983 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-700-7

Эту книгу написал ветеран КГБ Александр Поляков, мастер шпионского романа. Получилась головокружительная история о том, как шпионы и диверсанты пытались задуть молодую советскую республику. Они действовали с размахом — с запада и с востока. Орудовали и в столицах, и в Сибири. Терроризм, вербовка агентов, попытки сорвать индустриализацию... Следы этой истории — в известных уголовных процессах того времени — в шахтинском деле и в деле промпартии. Но на страже интересов советского государства стояли мужественные и компетентные люди, чекисты. Удастся ли им переиграть асов немецкой и британской разведки? Началась игра всерьез! На кону — жизни миллионов людей и судьба страны. По мотивам этой книги снят знаменитый советский телесериал.

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-700-7

© Поляков А. Ф., 1983
© Алисторус, 1983

Содержание

От автора	6
Часть первая	8
«Электрическая утопия»	9
Не фантазия, а план!	11
Тайный союз	15
Москва на страже...	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Филатович Поляков
Покушение на ГОЭЛРО
Роман

* * *

© ООО «Издательство Родина», 2026

От автора

План ГОЭЛРО вошел в историю нашей страны как ленинский план электрификации Советской России. Это был первый государственный народнохозяйственный план, определивший перспективы грандиозной преобразовательной и созидательной работы государства диктатуры пролетариата. План ГОЭЛРО – первая научная программа построения материально-технической базы социализма.

Электрификация России была надежным и кратчайшим путем преодоления технико-экономической отсталости страны, унаследованной от буржуазно-помещичьего строя, ликвидации тяжелых последствий первой мировой и гражданской войн.

План ГОЭЛРО, говорил В. И. Ленин на VIII Всероссийском съезде Советов, – это

«великий хозяйственный план, рассчитанный не меньше чем на десять лет и показывающий, как перевести Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма».

Лучина и копилка робко раздвигали темноту в российских деревнях, слабым был вначале электрический ручеек.

«Куда им, большевикам, вытащить Россию из темноты!» – шептали по углам приживалы старого мира.

Да, электрической энергии катастрофически не хватало. Но революционная энергия кипела в душе освобожденного народа и оказалась способной творить чудеса. Шесть лет потребовалось молодой Советской республике, чтобы достигнуть довоенных показателей развития промышленности, еще два с половиной года, чтобы их удвоить, и еще один год – чтобы утроить.

План ГОЭЛРО, рассчитанный на 10–15 лет, был выполнен по основным показателям к минимальному сроку – к 1931 году.

«Десять лет – немалый период в истории промышленности любого государства, – писал в декабре 1927 года, в разгар работы по осуществлению ГОЭЛРО, В. В. Куйбышев. – Для нашей же страны это десятилетие составило буквально целую историческую эпоху... Мы с полным правом можем также констатировать, что те темпы, которые показало развертывание промышленности при диктатуре пролетариата, являются единственными в своем роде, являются такими образцами бурного подъема, каких не знала еще история человечества».

Успехи социалистического строительства вызывали приступы бешеной злобы у врагов Советской России, прекрасно понимавших значение плана ГОЭЛРО, планов первых пятилеток для построения нового общества. Потерпев сокрушительное поражение, открытая контрреволюция перешла к тайным формам и методам борьбы против пролетарского государства, против социалистической индустриализации – к вредительству и диверсиям. Еще в 1919 году В. И. Ленин предупреждал:

«Помещики и капиталисты не уничтожены и не считают себя побежденными: всякий разумный рабочий и крестьянин видит, знает и понимает, что они только разбиты и попрятались, попрятались, перерядились... Многие помещики пролезли в советские хозяйства, капиталисты – в разные «главки» и «центры», в советские служащие; на каждом шагу подкарауливают они ошибки Советской власти и слабости ее, чтобы сбросить ее... Надо всеми силами выслеживать и вылавливать этих разбойников, прячущихся помещиков и капиталистов, во *всех* их

прикрытиях, разоблачать их и карать беспощадно... А чтобы уметь ловить их, надо быть искусным, осторожным, сознательным».

И революция умело защищалась! Партия мобилизовала органы государственной безопасности на охрану и защиту великих завоеваний народа. В противоборстве с ползучей контрреволюцией, с объединенными силами английской, американской, германской разведок уже не годилась атака в лоб – теперь от чекистов требовались глубокие знания, кропотливая аналитическая работа. Это была война умов, и выиграть ее помогло молодое поколение коммунистов, пришедших в ОГПУ из технических вузов, вчерашние рабочие и крестьяне.

Вот почему ни одна электростанция, ни одно крупное предприятие в Советском Союзе не были взорваны!

Подлинные события, о которых рассказывается в этой повести, судьбы людей, прошедших через те далекие бурные годы борьбы, – это только короткий шаг в большой истории Советского государства, но шаг под непрерывным огнем врага.

Часть первая

Звуки Земли

Электрификация переродит Россию. Электрификация на почве советского строя создаст окончательную победу основ коммунизма в нашей стране, основ культурной жизни без эксплуататоров, без капиталистов, без помещиков, без кулцов.

В. И. Ленин

Постановление Совета Труда и Оборона о государственном значении электрификации. 2 марта 1921 года.

Совет Труда и Оборона постановил: в связи с особыми задачами по электрификации страны, принятыми постановлениями VIII съезда Советов, признать все работы по электрификации, как в области электропромышленности, электроснабжения, так и в области новых электрических установок и электрификации различных отраслей хозяйственной жизни страны, имеющими первостепенное государственное значение.

Председатель СТО В. Ульянов (Ленин)

«Электрическая утопия»

На Флит-стрит, газетной улице Лондона, новогоднее оживление шло на спад. Вечером с большого здания редакции «Ньюс кроникл» снимались последние праздничные украшения.

Высокий энергичный сотрудник редакции Хаминг суеился около рабочих, помогая снимать портрет основателя либеральной газеты Чарлза Диккенса.

– Хэлло, Альберт, дружище! Осторожней снимай – полотно старое, давно пережило своего хозяина, – послышался возглас с противоположной стороны узкой улицы, где высилась каменная громада здания вечерней газеты «Ивнинг стандарт», принадлежавшей газетному королю Англии лорду Бивербруку.

Хаминг оглянулся и увидел невысокого человека с бородкой клинышком.

– А, Дэвид! А ты что там делаешь?

– Тоже снимаю портрет своего шефа. Хватит! Его изоляционизм уже сделал большую рекламу и, признаться, всем надоел до чертиков. Подумать только – Бивербрук хотел нарушить торговые традиции и заставить английских купцов торговать только в пределах своей империи, закрыть им доступ в Азию и особенно в красную Россию!

Дэвид Ноу, художник-карикатурист, снимал полотно, где лорд Бивербрук был изображен в виде полуголого человека. Упершись ногами в Британский остров, Бивербрук восклицал: «Вот моя империя!»

Дэвид включил рубильник – и на стене здания, на месте карикатуры, появилось световое табло. Огромные, ярко горящие буквы, обгоняя друг друга, сообщали многомиллионному городу:

«Россия во мгле... Положение в России – это картина непоправимого краха... Большевистское правительство – самое неопытное из всех правительств мира... Коммунисты все разрушают раньше, чем готовы строить... Ленин утопист... великий мечтатель...»

Табло призывало:

«Читайте в нашей газете новые очерки Герберта Уэллса о его поездке в Москву!»

– Как ты считаешь, Альберт, эта сенсация чего-нибудь стоит? – спросил Дэвид.

– «Деньги говорят, деньги пишат, деньги царствуют, а короли записывают их приказы», – скороговоркой произнес Хаминг афоризм Бернарда Шоу и продолжал: – Дэвид, дружище! Ваша информация уже ничего не стоит. Я только что сдал в типографию корректуру подлинных очерков Герберта Уэллса, уверяю тебя, более правдивую. Могу показать выдержки.

В. И. Ленин беседует с английским писателем Г. Уэллсом

Он достал из бокового кармана блокнот и стал читать:

– «Большевистское правительство – самое смелое, самое бесхитростное...» Или вот еще. Уэллс говорит: «Рухнула социальная и экономическая система, очень схожая с нашей и теснейшим образом с ней связанная». И слушай дальше, Дэвид! «Не коммунизм терзает страждущую Россию путем организации целого ряда субсидированных набегов, вторжений и мятежей... мстительный французский кредитор, тупой английский журналист куда более повинны в этих смертных муках, чем любой коммунист. Все силы большевиков поглощены глубоко патриотической борьбой с нападениями, вторжениями, блокадой, которые западные державы с жестоким упорством обрушивают на потрясенную трагической катастрофой страну. Остаток

сил уходит у них на то, чтобы спасти Россию от голодной смерти». А вот что говорит Уэллс о Ленине: «Он делает все, что от него зависит, чтобы создать в России крупные электростанции, которые будут давать целым губерниям энергию для освещения транспорта и промышленности. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные. Он видит, как новые шоссейные дороги прорезают всю страну, как поднимается обновленная и счастливая, индустриализованная коммунистическая держава». Уэллс утверждает, что во время разговора Ленину почти удалось убедить его в реальности своего провидения. Конечно, – продолжал Хаминг, – деньги царствуют в Европе, и все наши газеты поют с их голоса, но мы, журналисты, должны сказать своему обществу хоть часть правды о большевистской России. Гуд бай, Дэвид! Читай завтра в «Ньюс кроникл» мои комментарии.

– Ол-райт, Альберт! Но ты не забывай и другое: «Деньги царствуют», и они не только говорят и пишут, но и действуют! Я убежден, что наступление на Россию будет продолжаться. Наши денежные тузы ищут пути борьбы с большевизмом. Они вновь начали бег взапуски на запах крови...

Не фантазия, а план!

В конце марта – начале апреля 1920 года в Москве работал IX съезд РКП(б). Созданная В. И. Лениным партия, прошедшая суровую школу борьбы с царизмом и ведущая изнурительную, пока еще не оконченную войну, решала вопрос о преодолении хозяйственной разрухи. Владимир Ильич считал необходимым выработать единый план подъема народного хозяйства, нацеленный на создание экономической базы социализма. Он говорил, что Республике Советов нужны «широкие планы не из фантазии взятые, а подкрепленные техникой, подготовленные наукой».

К разработке Государственного плана электрификации страны В. И. Ленин привлек талантливого инженера-энергетика, старого большевика Глеба Максимилиановича Кржижановского.

...Это началось с торфа в декабре 1919 года. Замерзали и лопались водопроводные трубы. Нечистоты сочились сквозь потолки квартир. В жилых помещениях – пять – семь градусов мороза, люди неделями не снимали зимней одежды.

Ленин вызвал Кржижановского в Кремль, в Совнарком. Говорили о подмосковной электростанции, работающей на торфе. Владимира Ильича очень заинтересовало сообщение Кржижановского о торфе, он предложил ему написать об этом статью: о его огромных запасах, о тепловой ценности, легкости добывания. Ленин увидел в применении торфа базу для электрификации, для восстановления промышленности. Он набросал план освоения торфяных богатств России.

Глеб Максимилианович восхищался энергией и глубокой верой Владимира Ильича в прекрасное будущее страны. Даже в самые тяжелые времена, когда казалось, что уже нельзя будет преодолеть все обрушившиеся на Россию стихии – и голод, и холод, и войну, и небывалую разруху, Ленина не покидала нерушимая убежденность в неиссякаемых творческих силах народных масс... Еще на квартире у Маргариты Фофановой, где он скрывался перед Октябрьским восстанием, Владимир Ильич прочитал книгу Сукачева о болотах и увлеченно доказывал: «Эти пустыни будут работать – будут светить и греть».

Статья Кржижановского о торфе появилась в «Правде» 10 января двадцатого года. Очень быстро, на одном дыхании Глеб Максимилианович написал новую статью – о перспективах электрификации промышленности – и послал ее Владимиру Ильичу посмотреть.

23 января 1920 года Владимир Ильич написал Кржижановскому письмо, в котором набросал план, как он выразился,

«не технический, а политический или государственный, то есть задание пролетариату»: «Примерно: в 10(5?) лет построим 20–30 (30–50?) станций, чтобы всю страну усеять центрами на 400 (или 200, если не осилим больше) верст радиуса; на торфе, на воде, на солнце, на угле, на нефти (перебрать Россию всю...). Начнем-де сейчас закупку необходимых машин и моделей. Через 10 (20?) лет сделаем Россию «электрической».

Вскоре последовал звонок Ленина: «Соберите для работы лучшие умы России».

– Легко сказать, Владимир Ильич!

– Да. Я знаю, я предвижу: нам придется натолкнуться на сопротивление эмпириков, на унижительное и унижающее неверие в наши силы. Придется вынести и стерпеть насмешки всего «просвещенного мира». Но ведь, в конце концов, мы революционеры. Мы десятки лет были фантазерами, потому что верили в возможность социалистической революции в такой стране, как наша. Давайте-ка скорее подбирайте спецов с загадом, с размахом, отчаянно смелых...

И началась погоня за Архимедами. А они в то время были разной расцветки: в основном белой, иные розовой или бесцветной и исключительно редко – красной. Большинство относилось к Советской власти враждебно.

...Проходя однажды по Кузнецкому, Кржижановский заметил в толпе знакомый бобровый воротник. Глеб Максимилианович хорошо знал человека, прозванного в научной среде «Фарадеем с Петровки». Еще до войны портреты его можно было встретить в кабинетах физики, в аудиториях институтов, университетов. Кляня себя за то, что упустил из виду такого ученого, прикидывая утром состав будущей комиссии ГОЭЛРО, Кржижановский кинулся к Фарадею со всех ног. Тот рассеянно выслушал вдохновенную речь о захватывающих перспективах работы для народа, о судьбах Отечества, о возрождении производственной славы нации, потом взорвался.

– Да вы что?! Что вы затеваете, государь-батюшка?! Сколько вам осталось? Не вам персонально – здравствуйте вечно! – а вашему... как бы это поделикатнее выразиться, режиму, что ли.

– Послушайте! – сказал Кржижановский. – Это же несерьезно! Сначала вы определяли наше бытие днями, неделями, а месяцы казались вам чудом. Но теперь-то, теперь! Вы, как ученый, не можете не считаться с тем фактом, что мы существуем уже третий год! Пора бы понять...

– Не завтра, так послезавтра, – упорствовал Фарадей, – все равно конец.

– Но мы уже одолели Юденича, Колчака, Деникина...

– Развал экономики – это вам не Деникин. Россия производит электрической энергии меньше, чем Швейцария! А вы болтаете о каком-то возрождении. Ничего вы не сделаете. Не успеете.

Глеб Максимилианович понял, что напрасно потратил свой пыл...

А Ленин торопил, помогал Кржижановскому в подборе специалистов для комиссии по составлению плана ГОЭЛРО, часто встречался с ним в Кремле, даже приезжал на квартиру к Глебу Максимилиановичу. Скорее, скорее... Надо готовить план к съезду Советов. Владимир Ильич ни на день не выпускал ГОЭЛРО из виду, с пристрастием следил за каждым шагом, внимательно изучал бюллетени комиссии, делал пометки, чтобы не упустить важное, а иной раз и отчитывал Глеба Максимилиановича за медлительность.

Государственная комиссия по электрификации России была создана в феврале 1920 года. К работе в ней Кржижановский привлек около 200 специалистов – лучших ученых республики, инженеров, геологов, статистиков. За девять месяцев задание Владимира Ильича было выполнено.

3 ноября 1920 года на очередном, тридцать седьмом заседании комиссии ГОЭЛРО было принято решение о завершении работы над планом электрификации.

22 декабря 1920 года открылся VIII Всероссийский съезд Советов. Чтобы осветить Большой театр, где проходили заседания съезда, и карту, на которой были отмечены будущие электростанции, пришлось ограничить электроснабжение Москвы. Съезд Советов работал в полутьме.

В. И. Ленин выступал на съезде с докладом о внешней и внутренней политике правительства. Он говорил о «второй программе партии» – о плане ГОЭЛРО:

– Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем... Есть одно средство – перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество... Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно... Если Россия покроется густой сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше комму-

нистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии!

Как завороченные, слушали Ильича делегаты съезда. Он открывал перед ними невиданные ранее перспективы, рисовал картину будущей России, залитой светом электрических огней...

На втором заседании съезда с докладом об электрификации России выступил Глеб Максимилианович Кржижановский. Он говорил:

– Нам приходится спешно заняться основными вопросами хозяйства великой страны в очень трудное и очень сложное по переплетающимся в нем событиям время. Оно может быть охарактеризовано как переходное время от частнохозяйственного строя, строя капиталистического, к хозяйству планомерно-обобществленному, социалистическому... Раз это так, раз весь мир охвачен движением переходного времени, то вы себе ясно представляете, какие трудности противостояли нам в нашей попытке набросать хотя бы в порядке первого приближения план народного хозяйства России в соответствии с теми возможностями, которые открылись благодаря великой победе трудящихся... Почему, говоря о новом хозяйстве, приходится так решительно и определенно остановиться на его электрификации? Дело в том, что электричество – это та новая сила, которая народилась в старом паровом хозяйстве капиталистического мира не в дружелюбном соседстве с ним, а как сила, решительно подрывающая его основы... Страна, страхнувшая гнет частной собственности, получает возможность свободного подхода к источникам природной энергии и может не считаться в своих проектах и планах с прихотливой игрой частных интересов... На внешнем фронте нам противостоят противники, вооруженные всеми атрибутами сильно развитого капиталистического хозяйства... и в экономической борьбе нам надо быть вооруженными тем же оружием, каким вооружены они.

Глеб Максимилианович говорил об электрификации и связанной с ней возможностью подъема производительности труда, об электрификации всех отраслей промышленности, сельского хозяйства, транспорта, строительства. Доклад Кржижановского заканчивался словами:

– Таким образом мы будем лечить ужасные раны войны. Нам не вернуть наших погибших братьев, и им не придется воспользоваться благами электрической энергии. Но да послужит нам утешением, что эти жертвы не напрасны, что мы переживаем такие великие дни, в которые люди проходят, как тени, но дела этих людей остаются, как скалы!

Планом ГОЭЛРО предусматривалось строительство 30 крупных электростанций (20 тепловых и 10 гидроэлектрических) с общей мощностью 1,5 миллиона киловатт; производство электроэнергии по плану возрастало более чем в 4,5 раза по сравнению с довоенным уровнем. Это была грандиозная по тому времени программа.

VIII Всероссийский съезд Советов одобрил план ГОЭЛРО.

В его резолюции говорилось:

«Съезд оценивает разработанный по инициативе ВСНХ Государственной комиссией по электрификации план электрификации России как первый шаг великого хозяйственного начинания... Съезд выражает непреклонную уверенность, что все советские учреждения, все Совдепы, все рабочие и трудящиеся крестьяне напрягут все силы и не остановятся ни перед какими жертвами для осуществления плана электрификации России во что бы то ни стало и вопреки всем препятствиям».

Западная буржуазия и белые эмигранты с ненавистью встретили план ГОЭЛРО: жизнь молодой Советской республики они исчисляли месяцами. План ГОЭЛРО называли «бредом жестоких фанатиков», «фантастическим и вредным начинанием», «чистейшим блефом».

Но некоторые зарубежные ученые – представители передовой интеллигенции поняли и признали величие плана социалистического переустройства России. Выдающийся американ-

ский электротехник Карл Штейнмец в письме к В. И. Ленину выразил «свое восхищение удивительной работой по социальному и промышленному возрождению, которую Россия выполняет при таких тяжелых условиях». Штейнмец предложил свою помощь в электрификации молодой страны.

...Партия напрягала силы. Вопрос о реализации плана ГОЭЛРО был одновременно и вопросом жизни или смерти первого государства рабочих и крестьян.

Тайный союз

Наступило летнее утро. Яркие лучи солнца постепенно пробивались через густой лондонский туман. В Кенсингтонском парке – аристократическом уголке, окруженном громадой столичного города, – было тихо. Но все уже оживало, и чуткий слух мог уловить трепетание листьев столетних буков и лип.

На берег широкого озера, раскинувшегося у самых стен королевского замка, выходили дикие утки. Они расправляли крылья, стряхивали воду и шли одна за другой на луг, где ждал их обильный завтрак.

Чуть пригрело солнце – и послышалось громкое задорное чириканье веселых воробьев. Они чувствовали себя здесь как дома, их не пугала близость шумного, многолюдного города. Воробьи скакали бочком по дорожкам парка, приметливо осматривались и резко бросались к уткам, унося у них из-под носа легкую добычу.

Все на земле просыпалось для нового дня.

Неторопливо и торжественно из квартала миллионеров, примыкавшего к парку, проследовала к озеру герцогиня Соммерсет, древняя старуха, в сопровождении внуков и правнуков, опекаемых полдюжиной гувернанток.

Началась детская беготня, запуск игрушечных корабликов, лодок и бумажных змеев.

На широкой скамейке неподалеку от Кенсингтонского дворца расположились трое джентльменов. Они были одеты в черные, хорошо сшитые костюмы и походили на сотрудников Форин Оффиса¹, прибывших не в парк на прогулку, а на дипломатический прием.

Внезапно их оживленный разговор был прерван ударом мяча, попавшего одному из них в голову. Это игравшие на лужайке внуки герцогини Соммерсет бросили мяч в сторону джентльменов.

– Идите к чертовой матери! – вскрикнул на русском языке пострадавший.

К скамейке подошла молодая гувернантка и, растягивая слова, мило улыбаясь, обратилась к джентльменам:

– Сэры! Объясните, пожалуйста, что такое «черт мать» и на каком это языке?

– Русский язык не знаете, леди? – спросил один из джентльменов.

– Нет.

– А французский?

– Это мой родной язык, сэр.

– Тогда переведу на французский: *Allez au diable!* Вы поняли, леди?

– Вы нахал, сэр! – ответила гувернантка, торопливо удаляясь.

– Ну что, Рейли! Вы довольны... напугали француженку русским языком? – спросил один из собеседников – моложавый, спортивного вида человек с посеребренными висками.

– Вполне доволен, – растянув рот в улыбке, ответил Рейли. – Вы, полковник Николаи, думаю, тоже русский не забыли?

– Еще бы, прожить столько лет в России, быть частым гостем военных сановников – и забыть! Только прошу вас, господин Рейли, не забывайте, что я теперь Габт, руководитель восточного отдела фирмы «Континенталь»², промышленник и коммерсант. Для нынешней России это очень важно.

Габт сделал паузу, потом продолжил:

---

¹ Английское министерство иностранных дел.

² На территории России в первые годы Советской власти действовали филиалы иностранных торговых фирм, многие из которых предоставляли надежную «крышу» для зарубежной агентуры. Одной из таких фирм автор дал название «Континенталь».

– Мы с вами работали в старой России обособленно друг от друга, занимали даже враждебные позиции, теперь нам надо объединить свои усилия.

– Пожалуй, это хорошо, – согласился Рейли, – Наш друг американский полковник Хаскель в таком случае сказал бы «О'кэй!».

Они взглянули на третьего джентльмена и рассмеялись.

– Ну нет, – быстро оборвал смех Габт, – полковник Хаскель сам преуспел в русских делах и знает этот язык достаточно хорошо. – Потом иронически добавил: – Вы не забыли, Рейли, как он в восемнадцатом году опередил англичан? Вы оккупировали Баку, а он явился туда с представителями американской фирмы «Стандард Ойл» и заключил удачный договор на поставку горючего с мусаватистским правительством. Отнял у англичан лакомый кусок – русскую нефть!

– Да, – хриплым грудным голосом заговорил Хаскель, – пусть наши фирмы конкурируют, бог с ними, но мы, разведчики, должны работать в полном контакте. Враг у нас один – большевизм. С этой целью я и заехал в Лондон по дороге в Москву.

Сидней Рейли посмотрел на ручные часы и предложил:

– Оставим этот разговор на будущее. Здесь, в парке, я должен быть только вашим гидом. Господа! Обратите внимание на дворец – когда-то, в семнадцатом и восемнадцатом веках, он был резиденцией английских королей. Потом они переселились ближе к центру Лондона, и дворец стал местом жительства младших членов королевской семьи. В нем родилась и выросла королева Виктория. Здесь же родилась королева Мэри, супруга ныне здравствующего короля Георга Пятого. А теперь посмотрите на эту красивейшую липовую аллею! Она называется аллеей лордов! Это место прогулок английской знати. Взгляните, как размеренно вышагивают они по аллее. У них все рассчитано по минутам. Они непрерывно двигаются, не обращая внимания на окружающих, упорно совершая предписанный личным врачом моцион. Вон шагает невысокий толстяк – это лорд Бивербрук, газетный король Англии. Он мне импонирует тем, что упорно выступает против торговли с Россией. За ним идет, видите, великан – это лорд Астор, разорившийся миллионер, поправивший свои финансовые дела женитьбой на богатой американке. Маленькая леди Астор от него не отстает, семенит рядом. Она член английского парламента, проповедует там американскую демократию и сидит на скамье оппозиции. Наш премьер Ллойд Джордж за шумные реплики называет ее «шаловливое дитя». Но она хитрая бестия! Американизирует Европу. – Рейли выразительно посмотрел на Хаскеля и добавил: – Она неутомимо ищет сильную личность для слабой Европы. Ее салон в замке Кливден активно действует...

– И она уже нашла кого-то? – иронично спросил Габт.

– Вроде бы да, увлеклась Гитлером – лидером национал-социалистской партии Германии.

– Пожалуй, в нем что-то такое есть... – согласился Габт.

В это время со стороны замка к ним подошел человек, похожий на клерка, и мягко предупредил:

– Господа, вас ждет доктор Дени Росс!

Джентльмены поднялись и направились к правому крылу замка, точнее, к соседствующему с ним серому мрачному особняку. Не успели они приблизиться, как открылся глазок, стальная дверь бесшумно вошла в стену и, пропустив их, закрылась.

Чрево небольшого особняка было заполнено гулом электрических моторов. По мраморной лестнице поднялись на второй этаж. Яркий свет ламп озарял коридор с длинным рядом дверей, за которыми попискивали передатчики.

В этом особняке помещался русский отдел английской разведки «Интеллидженс сервис». Здесь велась подготовка нового наступления на Восток, на большевистскую Россию...

* * *

– Итак, друзья мои, вам теперь ясно, что революция в России – это случайность, необъяснимая прихоть и парадокс истории.

Рейли мельком взглянул на часы. Вот уже скоро час, как шеф русского отдела «Интеллидженс сервис» доктор Дени Росс говорит о революции в России. Он осторожно зевнул, прикрывая рот рукой, и позволил себе реплику: «Сэр, извините, уже час на исходе».

– Я заканчиваю. Скоро перейдем к практическим вопросам. Господа! Ленин считает рабочий класс самой передовой, организованной и могучей силой. Не будем с этим спорить. Но ведь этого класса нет в России, там существует нищее крестьянство; деревянная соха и лапоть – вот ее могучая сила. Ленин понимает, что это противоречит теории Маркса о социальной революции, и он теперь планирует осуществление научно-технического переворота. Ленин говорит: «Берет верх тот, у кого величайшая техника и лучшие машины». Это опасно, господа, и теперь у нас борьба с Советами пойдет в иной плоскости. Мы должны стать на пути их эксперимента, который они готовят с фанатической последовательностью. Их план научно-технических преобразований не должен быть осуществлен даже на десятую часть.

– Но... уважаемый шеф! – не утерпел полковник Хаскель. – Голод в России задушит большевиков, и все их планы технической революции полетят к черту.

Доктор Росс порылся в бумагах, что-то нашел, бегло просмотрел и торжествующе произнес:

– Вот скорбная для России статистика. За последние тридцать лет у них тринадцать раз случался недород, и этот последний страшнейший голод... Но я не верю, чтобы сейчас стихия помогла свергнуть большевиков.

– Тогда, сэр, наша американская затея помощи голодающим России ничего не даст, – резюмировал Хаскель.

– Вы хороший разведчик, полковник, и прекрасно знаете, что в периоды между войнами разведку интересует глубокий тыл противника, его экономические ресурсы, все, из чего складывается военный потенциал. Для таких целей ваша АРА³ – великолепное прикрытие.

– Но, сэр! Мы ведь имеем и особые поручения от министра торговли США Гувера.

– О!.. Гувер пытался покорить Европу, стать ее диктатором, – иронически заметил Росс, – но из этого ничего не вышло. Хотя, правда, он помог спасти Европу от революции, и в этом его большая заслуга. Если он намерен успешно провести свой эксперимент в России, то ему необходимо, по примеру Англии, установить с ней торговые отношения и использовать вспыхнувший голод. Америка богатая и сильная страна. Только американский капитал способен задушить большевиков. В этом случае план Гувера будет успешным. Экономическое закабаление и расчленение – вот главное в борьбе с нынешней Россией.

Росс сделал паузу.

Хаскель смотрел на него и думал: «Невзрачный господин, небрежно одетый, в потертом костюме, с копной седых волос, в пенсне, он похож на рассеянного ученого. И действительно, Росс – доктор философии, изучавший марксизм, теперь, говорят, штудирующий учение Ленина о революции, полиглот, в совершенстве знает 18 языков, но не обладает даром красноречия. И вместе с тем – талантливейший разведчик мирового класса. В последнюю войну с Германией его агенты проникли в святая святых, в штаб немецкого рейха, воспользовались их шифрами, дезинформировали немецкий подводный флот. В этой операции удачливее всех был Рейли... Как же мне предложить Россу перейти на службу к нам, в штаб амери-

---

³ Американская администрация помощи.

канской разведки? Военный министр Джон Викс считает это моим основным поручением в Лондоне и готов согласиться на любые условия Росса».

Его размышления прервал сам доктор.

– Теперь перейдем, господа, к практическим вопросам. Принесите досье по операции «Голубой свет», которое мне передал наш немецкий коллега герр Габт, – обратился Росс к секретарю. – Господа! Хочу сказать несколько слов, чтобы вы поняли важность этой операции. За время революции и гражданской войны мы потеряли в России много ценной агентуры – она в основном разгромлена большевиками; если кто и остался жив, то бродит по необъятным просторам страны без связи. Правда, кое-что на юге у нас сохранилось. Положение, господа, крайне серьезное. Сейчас мы должны бросить все силы на поиск надежных каналов проникновения в Россию. Один из них и может быть получен в ходе операции «Голубой свет». Надо хорошо помнить, – продолжал Росс, – что Ленин рассчитывает совершить техническую революцию за десять – пятнадцать или, как он сам говорит, немного больше лет. Вам известно, что в марте Англия заключила торговый договор с Советами. В ближайшее время ее примеру, очевидно, последуют Германия, Норвегия, Австрия, Италия. Переговоры об этом уже ведутся. Как видите, Советы укрепляют свои позиции в мире, и вряд ли стоит надеяться на то, что большевики будут устранены завтра, в следующем месяце или даже в будущем году. Мы с вами теперь должны планировать свое наступление на Россию на продолжительный срок. – Росс многозначительно взглянул на Хаскеля и продолжал: – Поэтому наши будущие совместные операции должны быть длительно действующими и хорошо подготовленными, как на шахматной доске Капабланки. Надо иметь в виду не только перехват советских агентов, но прежде всего – вербовку для нас агентуры из числа советских специалистов.

Он умолк, устало опустил в кресло и стал неторопливо набивать трубку.

– Позвольте задать вопрос, доктор, – обратился к нему фон Габт.

– Слушаю, полковник.

– Вы не скажете, сэр, почему именно электростанции Советской России и их план электрификации должны быть объектом нашего особого внимания? Ведь известно, что большевики усиленно восстанавливают транспорт, топливную промышленность и другие весьма важные предприятия, экспроприированные ими. Может быть, нам следует обратить главное внимание на эти объекты?

– На вопрос полковника Габта я могу ответить словами самого идеолога русских коммунистов...

Росс поднялся, поправил сдвинувшийся галстук, водрузил на нос пенсне и стал быстро просматривать стопку книг, лежащих на столе.

– Не хочу обременять вас, господа, пересказом работ Ленина, где он говорит об электрификации как о технической базе коммунизма, который большевики собираются сейчас строить. Я процитирую только один из его тезисов, выдвинутый на их съезде Советов при утверждении плана ГОЭЛРО: «Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Теперь вам ясен основной замысел большевизма?

– Мы вас очень хорошо поняли, шеф! – раздались голоса офицеров разведки.

После некоторой паузы Росс предложил:

– Докладывайте, полковник Габт, – и передал ему папку.

– Цель операции «Голубой свет», – начал сухо Габт, – заключается в получении надежной агентуры из числа русских военных инженеров, прикомандированных к русскому экспедиционному корпусу, участвовавшему в боях с Германией на территории Франции. Мы намереваемся использовать эвакуацию этого корпуса в Советскую Россию и с ним забросить туда своих агентов. Почти год я находился во Франции, но безуспешно – русские военные инженеры на вербовку не шли. Наблюдая за приезжими из Совдепии, я как-то встретился в ресторане с Мещерским, бывшим директором Коломенского и членом правления Сормовского заводов,

крупнейшим русским владельцем. Он служит у большевиков и прибыл на Запад как специалист Внешторга для закупки оборудования. Он мне нарисовал неприглядную картину в России: голодные люди, разрушенные дороги, холодные цеха, мертвые электростанции... В разговоре выяснилось также, что он хорошо знает двух русских военных инженеров, проживавших в Париже и намеревающихся вернуться в Россию.

– А где сейчас Мещерский? – спросил Росс.

– Мы с ним расстались в Париже. Мне удалось его уговорить остаться в Европе.

– Черт возьми, Габт! – воскликнул Росс – Вы сделали ошибку! Ведь Мещерский мог быть вашим агентом в России. Вы говорите, что он крупный специалист и, возможно, уже вошел в эту их техническую комиссию ГОЭЛРО.

Росс вызвал адъютанта.

– Узнайте, поступили ли из России списки членов комиссии ГОЭЛРО, я ведь давно просил их доставить.

Через минуту тот вернулся и доложил:

– Нет, сэр, еще не поступали.

– Вот видите, – возмутился Росс, – имеем в России двух своих агентов корреспондентами газет, а они настолько беспомощны, что не могут получить даже официальные данные. Вот и работай... Все надо начинать сызнова.

– Успокойтесь, сэр. Я могу вас обрадовать, – остановил его Габт. – Мещерский помог мне обработать и завербовать этих русских инженеров. Мы их недавно перехватили в Париже, когда они уже вступили в переговоры с советскими представителями об условиях и сроках возвращения в Россию.

– Они надежны? – спросил Росс.

– Вполне, я их уже проверял. Они ни с кем из русских не общаются, тем более с коммунистами.

– Где эти ваши агенты и как вы предполагаете их использовать?

– Они в Берлине, я обеспечил им полный комфорт. Надо, по-моему, использовать их в нашем наступлении на Россию.

– Действуйте, я согласен.

Росс встал, потянулся, распрямляя затекшую спину, и продолжал:

– Теперь я объясню вам, господа, конкретные задачи. Полковник Габт будет руководить подготовкой и практическим проведением на территории России сложной операции. Он собирается на несколько лет уйти из официального аппарата русского отдела немецкой разведки, перевоплотиться в коммерсанта. И это правильно. Сейчас его главная цель – тщательное изучение всех технических фирм, устанавливающих деловые связи с Россией, особенно по линии энергетического оборудования и машиностроения. Над детализацией плана мы с ним еще будем работать. Майор Бюхнер, – обратился Росс в сторону долговязого немца, – возьмет на себя всех русских, приезжающих по торговым делам как в Европу, так и в Америку. Далее. В России, как видно из советской печати, стихийные силы устраивают в различных областях хозяйства саботаж. Наша задача – придать ему организованную и более совершенную форму. Это очень серьезный вопрос, господа! В нем наше будущее самое главное оружие, и его надо использовать в более широком масштабе для того, чтобы подорвать большевистскую экономику изнутри, руками самих русских. Не менее важна в нашей работе связь. Ей займется капитан Фишер.

Маленький, толстый офицер встал и щелкнул каблуками.

– Когда я говорил о длительности наших операций, – продолжал Росс, – я имел в виду, что мы будем развивать свое наступление на Россию постоянно, пока не добьемся устранения большевиков. Мы должны работать с вами примерно так, как работает конвейер у американского предпринимателя Форда, – он с улыбкой посмотрел на Хаскеля, – непрерывным пото-

ком. И еще одно. Все офицеры разведки, работающие против России, должны в совершенстве знать местные условия, отлично разбираться в русской жизни. Теперь вам все ясно? Тогда на этом совещание закончим. Все свободны. Вас, полковник Хаскель, прошу остаться.

Когда офицеры вышли, Росс открыл коробку сигар, предложил их Хаскелю, а сам устроился напротив него в кресле.

– Мне поручено по линии военных штабов контактировать с вами в проведении операции в России. Об этом также особо просил ваш президент Гардинг нашего премьер-министра Ллойд Джорджа.

– Это что, – спросил Хаскель, – сближение наших позиций в ответ на демарш Гувера лорду Керзону в связи с заключением англо-советского торгового договора, который, по утверждению Гувера, отдалает сроки свержения Советской власти?

Росс развел руками:

– Гувер не прав. Ведь Англия без торговли существовать не может. И потом, нашему правительству ничего не стоит в необходимый момент разорвать этот договор, но вот вас, американцев, мы не понимаем, хотя убеждены в стабильности вашей дипломатии и политики. Она ведь не меняется со сменой правительства? Тогда почему Гардинг допускает в Америке такую широкую пропаганду помощи голодным русским среди рабочих, интеллигенции и даже верующих? Уж не хотите ли вы признать Советы? Хотя, если судить по высказываниям Гардинга и секретаря госдепартамента Юза, в это нельзя верить. Тогда зачем эти сотни отделений Межрабпома⁴, опутавшие всю Америку? Подумать только – образовалось общество технической помощи Советской России! Они теперь пачками посылают туда так называемые коммуны с тракторами и машинами.

Росс глубже уселся в кресле, зажег потухшую сигару и продолжал:

– Я прекрасно понимаю настоящую цель и задачи вашей АРА в России и одобряю их. Но зачем допускать какие-то рабочие организации помощи? Необходимо всю помощь сконцентрировать в руках АРА.

– Ваше мнение я доведу до сведения министра Гувера. Но вы должны понять, доктор Росс, что эта рабочая помощь возникла в Америке стихийно и мы пытаемся ее нейтрализовать созданием русского отдела АРА. Вы могли заметить в проекте договора представителя АРА в Европе Брауна с заместителем Чичерина Литвиновым, что мы вынуждены были даже уступить кое в чем русским и некоторые пункты договора сформулировать значительно мягче, чем это сделано в договорах АРА в Европе. Большевики голодны, но они не стоворчивы.

– Мне кажется, полковник, вы вместе с Гувером не понимаете важности поднятого мною вопроса. – Росс встал, открыл сейф, достал папку, порылся в ней и, держа в руках бумагу, предложил: – Ознакомьтесь с донесением нашего агента из главного полицейского управления в Берлине. Да, хочу вас предупредить, пусть это не станет известно Габту и его сотрудникам. Немцам не все надо знать. Хотя они теперь нам и друзья, но, как говорят русские, «табачок врозь...». Итак, наш берлинский агент сообщает, что в германской полиции заведено большое досье на Межрабпом. Из имеющихся там секретных документов можно сделать два вывода. Первое: Межрабпом становится важным оружием революционной борьбы. Второе (читаю дословно): «Если бы коммунистам действительно удалось захватить в свои крепкие руки аппарат Межрабпома, не разрушая его, то несомненно, что будущая борьба рабочих развивалась бы в такой форме и с такой широтой, что представляла бы для государства величайшую опасность». Вот совсем свежее донесение оттуда же: «В Берлине создан заграничный комитет для организации международной рабочей помощи голодающим Советской России. Председателем комитета назначена Клара Цеткин». Ее вы, надеюсь, знаете – это известная коммунистка. Слушайте дальше: «Комитет получил от Коминтерна поручение организовать

---

⁴ Международная организация пролетарской солидарности.

помощь России от пролетариата всего мира». Вот и радуйтесь, у вас в Америке организовано уже двести таких ячеек Коминтерна! Я по каналам военного министерства проинформирую Вашингтон, а уж вы, полковник, сами сообщите Гуверу.

– Конечно, сэр, – Хаскель встал и поклонился Россу.

– Это еще не все. Наш отдел окажет вам и практическую помощь по России. Слава Христу, – Росс посмотрел на распятие, висевшее на стене, – у нас там еще кое-кто остался и действует. Я приказал связать вас лично с нашей резидентурой в Ростове-на-Дону, она там существует с девятнадцатого года. У Сиднея Рейли тоже кое-что осталось в России, а главное – возьмите у него списки русских аристократов, интеллигентов, промышленников, офицеров, уцелевших при Советах. Многие из них вам пригодятся. Их надо поддержать, чтобы не умерли с голоду. Я полагаю, вы не намерены и в самом деле кормить там голодающих рабочих и их детей и хорошо понимаете, что прежде всего нужно сохранить «цвет» русской нации.

Доктор Росс встал, давая понять, что беседа окончена.

– Сэр, извините, еще одну минуту... Я имею поручение военного министра Джона Вика предложить вам службу в Америке на любых условиях... – торопливо и просительно заговорил Хаскель.

Росс рассмеялся.

– Ваше предложение не первое из Америки. Но я уже стар. Его величество король Георг Пятый обещал мне в Англии пэрство. Так что в Америку, пожалуй, я не стану экспортироваться, – заключил он твердо. – Но опытом своим готов поделиться. Мы ведь союзники, и у нас с вами один, очень опасный враг – большевизм. Мы должны объединить свои усилия в борьбе с ним.

Росс подошел к сейфу, вынул оттуда небольшую книжечку в голубой обложке и показал ее Хаскелю.

– Вот над чем я сейчас работаю. Это шифр. Надежный шифр нам очень нужен. Помните, в последнюю войну немцы считали себя недостижимыми в этой области и просчитались. Наш дешифрант раскусил их шифр как ореховую скорлупу, и этим шифром наши крейсера вызывали немецкие подводные лодки и уничтожали их. Могу вам предложить, полковник, для практики в России шифр под кодовым названием «Королева Мэри». Это мой вам профессиональный подарок. Можете смело передавать зашифрованные радиogramмы через русский персонал АРА в Америку и не забывайте, что мне иногда тоже будет интересно получить от вас информацию. Посылайте ее уверенно, Хаскель. Русские годы провозятся, а дешифранта для «Королевы Мэри» не найдут. Желаю удачи, полковник.

* * *

Летом 1921 года в России начался голод, охвативший более 30 губерний. На огромных пространствах Поволжья, Северного Кавказа и юга Украины голодало 30 миллионов человек. ...Гудят провода над Россией. Передается воззвание ВЦИК:

«Рабочие! Теснее сплывайтесь в своих организациях для точного выполнения производственных заданий, для увеличения количества продуктов, в обмен на которые получатся новые хлебные маршруты. Лучшие из вас пойдут на места для борьбы с горем народным.

Крестьяне! Ваши обездоленные братья ждут, что вы быстрым выполнением государственных повинностей... укрепите государство и дадите ему силы выйти... из бедственного положения. Объединяйтесь в кооперативах

и в производственных артелях, чтобы Советской власти легче было вместе с вами, организованными, преодолеть вашу беду.

Председатель ВЦИК М. Калинин».

Помощь детям голодающих

Голодное Поволжье взывало:

«Товарищи, слушайте! Вот цифры, убийственные, простые и ясные: из двух голодных ребят мы сможем кормить только одного... Среди вас есть уставшие бороться. Зажгите в них новую энергию, вдохните в них новые силы. Есть спящие и неслышащие. Так бейте сильнее в набат!.. Поволжье гибнет! На помощь! На помощь! А где же христианская любовь? – спрашивают верующие. Разве можно идти со спокойной душой, идти и молиться в раззолоченный храм, причащаться из драгоценных дарохранительниц, зажигать драгоценные лампы перед разукрашенными золотом иконами, в то время когда там, в Поволжье, каждый час, каждая минута несет все новые и новые жертвы. Спешите и вы, пасторы. Помощь голодающим сейчас ваша первая и святая обязанность».

В это время на Западе лихорадочно готовят новый поход на Советскую Россию, кричат неистово:

«Большевистский режим должен быть свергнут!»
(министр торговли США Гувер, «Нью-Йорк таймс», 22 марта 1921 года).

«Карфаген должен быть разрушен!» —

вторят белоэмигранты.

Денисов (председатель белоэмигрантского Торгпрома, Берлин):

«Здесь, за рубежом, единым организованным представителем хозяйственных сил России являемся мы, промышленники и финансисты...»

Рябушинский (крупнейший промышленник России):

«Костлявая рука голода схватит за горло этих русских рабочих и заставит их отказаться от революции...»

Граф Коковцев (от имени банковского комитета):

«Пусть нас не волнует голод в России... большевистская власть должна быть свергнута...»

Английский капиталист Лесли Уркарт (у него в руках как у президента ассоциации британских кредиторов России акции на 300 миллионов фунтов стерлингов) обещает России помощь, но выдвигает ультиматум, цель которого – одним ударом ликвидировать завоевания социализма в России:

«Все имущество возвращается прежним владельцам... Ограничение государственных налогов и тарифов концессионерам...

Восстановление свободы труда.

Предоставление свободы торговли и распоряжения продуктами внутри и вне страны.

Предоставление права свободы передвижения иностранцам и их русским сотрудникам.

Неприкосновенность личности и полное признание права собственности».

При соблюдении этих условий Уркарт обещает «помочь» голодной России.

Керенский, бежавший премьер-министр Временного правительства, утверждает:

«Положение в связи с голодом в России обнадеживающее...»

Милюков (министр иностранных дел Временного правительства, редактор «Последних новостей» в Париже) вторит Уркарту:

«Россия велика и сложна. При желании каждый может найти там, что хочет... Надо оставить распри и помочь бедной голодной России избавиться от большевизма...»

Милюков приветствует борьбу Гувера с неправительственными организациями помощи России, искажая их назначение:

«Они, рабочие, под видом помощи голодающим собирают громадные суммы на коммунистическую пропаганду».

Милюков аплодирует заявлению в печати американского президента Гардинга:

«Если в будущем будут исчерпывающие доказательства, что с большевизмом как системой в России покончено, то Соединенные Штаты могут изменить свою политику...»

Милюков (восхищенно):

«Гардинг подтвердил то, что раньше было заявлено секретарем госдепартамента Юзом, – Соединенные Штаты снимают с очереди вопрос о признании Советской власти, пока существует большевистская система управления Россией...»

В Париже пытаются организовать спектакль-бал в «Гранд-опера» для сбора средств голодающим России. Но Милюков возражает:

«Чем хуже в России, тем лучше для России. Воздержание от материальных жертв диктуется соображениями высшей политики».

Мелкобуржуазная эмигрантская накипь – меньшевики, ободренные поддержкой своих западных хозяев, созывают многочисленные совещания, создают разнообразные комитеты, наводняют газеты антисоветскими статьями.

«Социалистический вестник» сообщает, что на востоке и юго-востоке России «царит анархизм», что в России полностью прервано движение, что «восставшие» заняли Тамбов, Воронеж, Курск, Орел, часть Ставропольской губернии, в то время как Махно «движется на запад и север от Киева».

В один голос твердят, что в голоде повинны большевики и что только их уход спасет Россию от катастрофы.

Эсеры в статье «Кто отвечает за голод в России» доказывают, что «Февральская революция 1917 года была максимумом возможных для России демократических дерзаний» и что ответственность за голод несут большевики – организаторы Октябрьской революции:

«И мы, и голод – это средства политической борьбы...»

Призывы меньшевиков («Нью-Йорк таймс», 2 августа 1921 года):

«Настоящий момент является наиболее подходящим для свержения советского режима».

*«Ни одна из партий не имеет достаточно сил, чтобы сбросить
большевистское правительство... голод может достичь этой цели».*

«Нью-Йорк таймс», 15 июля 1921 года:

*«Катастрофа обещает ослабить большевистских лидеров...
политический эффект трагедии может быть решающим».*

Она же, 2 августа 1921 года:

«Голод ведет Россию к восстанию».

* * *

Осеннее 1921 года заседание конгресса США проходит бурно. Обсуждается билль об ассигновании 20 миллионов долларов для помощи голодающим России.

Уол, член палаты представителей, доказывает, что голод для русских полезен: он «приведет их в чувство, и они установят такую форму правительства, которое не допустит более повторения подобных ужасов, истощающих их».

Депутат Бокс тоже против помощи русским: «Я не могу поддержать это мероприятие, так как считаю, что оно приведет к увековечиванию большевизма в России».

Сенатор Шилдс опасается, что эта помощь даст возможность Советской России восстановить свое хозяйство и таким образом она возродится как конкурент США по сбыту сельскохозяйственной продукции.

Сенатор Кинг, злейший враг «красного коммунизма», предлагает организовать помощь «противодействующим большевизму силам, поддержать их, пока они не погибнут».

«Предоставление помощи России, – считает он, – не влечет за собой признания Советского правительства... мы должны отделить, по крайней мере на некоторое время, русский народ от большевизма и подумать о людях, которые не желают большевизма, ненавидят его и питают к нему отвращение».

Поэтому Кинг призывает голосовать за утверждение билля.

Сенатор Смут выражает надежду, что отправка продуктов в Россию послужит средством ослабления Советского правительства.

Депутат Рогерс разъясняет: «Многие члены палаты опасаются, что билль о помощи окажет поддержку гибнущему большевистскому режиму. Их опасения, очевидно, естественны, но совершенно не обоснованны. Дело заключается в том, что билль заставит большевистский режим еще быстрее погибнуть...»

Другие конгрессмены, более тесно связанные с монополиями, заявляют, что ассигнование средств и отправка в Россию продовольствия и медикаментов следует меньше всего рассматривать как благотворительность.

Сенатор Кеньон: «Это твердая экономическая политика. Мы облегчим положение в нашей стране, и, таким образом, эта помощь исключается из категории чистой благотворительности».

Сенатор Кинг: «Это означает, что продукты, которые являются абсолютно неходовыми на рынке, будут сегодня куплены у фермера, и я предвижу, что цены на зерно, которые в последнее время столь низки, поднимутся».

Депутат Браун дополняет: «Сейчас в США имеются миллионы бушелей пшеницы – значительно больше, чем мы можем потребить... Мы даже сжигаем пшеницу в качестве топлива. Фактически это послужит на пользу нашему народу: обеспечит сбыт зерна, даст работу железнодорожным компаниям, заставит двигаться вагоны, даст груз стоящим без дела кораблям... Каждый доллар возвратится к США».

Депутат Нортон: «Гувер совершает великое дело. До тех пор, пока торговые отношения не установлены официально, нашей основной задачей является собирание сведений о России и изучение вопроса о том, как делать бизнес в новых условиях, чтобы американские предприниматели не теряли времени, когда в России освободят внешнюю торговлю от красной веревки, которой она сейчас связана».

Теперь мнение конгрессменов единодушно: билль принят.

В ростовском ресторане «Медведь» состоялась встреча полковника Хаскеля с белым разведчиком Джемгаровым.

...Когда белое командование поручило Джемгарову доставить нелегально в Москву для финансирования заговора Савинкова большие ценности, собранные ростовским миллионером Пармоновым, Джемгаров побоялся риска и зарыл два ящика ценностей на берегу степной речушки Гнилой, а сам скрылся в Закавказье, оккупированном англичанами.

Какое-то время ему пришлось туго. В Баку он несколько недель работал мелким коммерсантом. Здесь его и подобрал английский капитан Тиг Джонс, безошибочно угадавший в нем нужного человека. Позже по рекомендации Джонса Джемгаров работал при штабе английской разведки, и теперь доктор Росс передал его на связь полковнику Хаскелю.

Они разговаривали в отдельном кабинете. Хаскель словно не замечал мрачного выражения лица Джемгарова. Постукивая вилкой по краю фарфоровой тарелочки, он говорил:

– В России голод. Кругом почти первобытный хаос. Этого не может выдержать даже скифская каменная баба. Она должна развалиться на куски. Большевицкая Россия вступает в полосу полного краха. На этом сходятся все здравомыслящие люди. Время революционных мифов прошло.

– Я не первый раз слышу это!

– Зато, надеюсь, последний.

– Тогда зачем вы везете сюда свою муку? Вы же играете на руку большевикам, – резко сказал Джемгаров, и смуглое лицо его дернулось.

– Надо быть политиком, господин офицер. Вы знаете, что такое экономический кризис? Это когда некуда девать продукты, в частности муку. – Хаскель откинулся на спинку стула, тихо рассмеялся. – Почему бы в таком случае не сделать красивый жест? Это очень тонизирует общественное мнение. Но главное в другом, – он твердо сжал губы. – Сейчас мы добиваемся для нашего комитета АРА прав экстерриториальности. Это позволит нам поддержать и объединить тех, кто настроен против Советской власти. Большевики уже пошли на кое-какие уступки... Голод не тетка, – последние слова полковник отчетливо выговорил на русском языке. – Нет, мы не собираемся помогать большевикам удержаться. Есть неплохая идея – создать подвижную вооруженную группу, которая будет захватывать продовольствие. Понимаете, группу подлинных русских патриотов, действующих от имени народа. Надо восстанавливать население против большевиков. Организовывать голодные бунты, нападения на склады. Тогда мы сможем ввести сюда свои войска для охраны и наведения порядка. Общественное мнение нам не мешает, оно будет нокаутировано... Я, господин офицер, ответил на ваш вопрос, – сказал Хаскель, наклоняясь вперед. – Теперь слушайте очень внимательно. Оружие и деньги вы получите на явочной квартире в Ростове.

В это время дверь открылась и в кабинет заглянул человек.

– Заходите, заходите, господин Борисов, – радостно воскликнул Хаскель, – хорошо, что вы вовремя вернулись из Новороссийска. Все ли удачно?

– Да, шеф, я подробно доложу о своей поездке.

– Познакомьтесь, – предложил Хаскель, – вы оба русские офицеры и легче найдете общий язык.

Джемгаров и Борисов щелкнули каблуками и пожали друг другу руки.

Дверь кабинета снова открылась, и владелец ресторана грек Марантиди ввел средних лет мужчину с резкими чертами сухого лица и колючими глазами.

Вошедший представился:

– Горный инженер Николай Николаевич Березовский, ныне технический директор Донецко-Грушевского рудоуправления. – И добавил: – Это здесь недалеко, какая-нибудь сотня верст, – угольный район, владения миллионера Парамонова.

Внимательно глядя на вошедшего, Хаскель заметил:

– Вы не совсем точно, господин Березовский, определили владельца Донского угольного бассейна. Господин Парамонов пользовался большими кредитами Русско-Азиатского банка, директором которого был и остается мистер Гувер – наш министр торговли. Могу уточнить, – продолжал Хаскель, – министру Гуверу принадлежали шестьдесят процентов акций угольных шахт Парамонова, и вот совсем недавно, в Париже, господин Парамонов продал остатки акций мистеру Гуверу. Это я вам говорю точно, мы друзья с Гувером, и здесь, в России, я руковожу АРА по его личному поручению.

Теперь Березовский не отрывал от Хаскеля взгляда.

– Меня интересует, – спросил полковник, – намного ли увеличил ваши личные доходы ваш большой пост в советской администрации?

– Что вы, господин Хаскель! У Парамонова я занимал должность заведующего шахтой и в месяц получал четыреста рублей золотом жалованья, бесплатно занимал дом, имел выезд, награды. Перед революцией у меня уже были большие сбережения в Азовском банке, и я их все потерял.

– А теперь, при Советах, как?

Березовский молча открыл огромный портфель, набитый бумажными деньгами.

– Вот, посмотрите, здесь миллионы, на которые вряд ли можно купить каравай хлеба. Я только что с заседания Донского экономического совещания, оно теперь занимает особняк Парамонова на Таганрогском проспекте. Так вот, нас за весь день угостили чаем, дали по куску хлеба и по две сухие тарани. Одну из них я везу жене.

– Что же вы решили на вашем ЭКОСО? – заинтересовался Хаскель.

– Основной вопрос был о восстановлении Донецко-Грушевских шахт. Принят мой проект поставить ряд шахт на мокрую консервацию, точнее, затопить их, снять часть сохранившегося оборудования и передать другим шахтам, подготовленным к эксплуатации. Мне поручили завтра же выехать в Харьков и добиться получения кое-какого оборудования с законсервированных шахт Донбасса.

– Скажите, пожалуйста, господин Березовский, у вас есть в Харькове старые друзья, например из горных инженеров, и не могли бы вы мне оказать услугу – устроить встречу с ними. Скоро я буду в Харькове, прошу пожаловать в украинскую контору АРА.

– Рад буду встрече, – сказал Березовский.

– А я в свою очередь рад буду вам помочь. – Хаскель достал пять чеков на посылки АРА и вручил их Березовскому со словами: – Это примерно пятьдесят килограммов продуктов, можете получить их на ростовском складе АРА разновременно, как вам удобнее.

– Спасибо... спасибо... – заулыбался Березовский.

Хаскель поручил Борисову остаться в Ростове и ускорить организацию отряда Джамгара на Дону, сам же выехал на Украину.

Главой украинского отделения АРА официально значился американский профессор Гатчинсон. Фактически украинской конторой управлял полковник военной разведки Уильям Гров.

Задачей профессора Гатчинсона было отвлекать внимание и частично использовать легальные формы шпионажа. Для этого он энергично рассылал бумаги по научным учреждениям Харькова, в которых запрашивал об экономическом состоянии Украины, объясняя свой

интерес необходимостью определения «форм помощи» и направления ее на более «уязвимые» места. Гатчинсон устанавливал связи с украинскими наркоматами, и в конторе АРА не иссякал поток посетителей – разного рода советников, консультантов.

Вместе с тем Гатчинсон проводил научные конференции, где популяризировал американский образ жизни и преимущества американского сельскохозяйственного производства и других отраслей промышленности.

Поэтому приход Березовского в харьковскую контору АРА не привлек ничьего внимания.

В кабинете полковника Грова была устроена встреча Хаскеля с группой горных специалистов Донбасса, приглашенных Березовским. Среди них выделялся огромный, с окладистой, черной как смоль бородой главный технический консультант Донугля Лазарь Георгиевич Рабинович. Ему было за шестьдесят, но выглядел он молодо. До революции он был совладельцем крупных угольных рудников и в его руках находилось 60 процентов многомиллионного основного капитала. Кроме того, он был почетным членом Совета горнопромышленников Юга России.

Александр Яковлевич Юсевич – главный консультант коммерческого отдела Донугля – был сух и длинен, как жердь, одет импозантно, в стиле «а-ля франсе». Он не раз бывал в Париже, представляя как коммерческий директор интересы французских горнопромышленников – владельцев угольных копей в Донбассе.

Резко контрастировал с ними заведующий техотделом Донугля Георгий Акимович Шадлун. Он явился на прием к американцам в яловых сапогах, в широких черных суконных брюках, заправленных в голенища, и в синей горняцкой тужурке. Раньше он был управляющим рудниками, принадлежавшими французской компании, умел давать богатую угледобычу и нещадно эксплуатировал рабочих.

Хаскель смотрел на них и думал о том, как начать разговор, как найти необходимую интонацию, которая позволила бы ему установить с этими людьми полезный контакт. С Березовским это было проще, но, видимо, он считал их своими единомышленниками, а иначе бы не привел их сюда, и Хаскель решил открыть карты первым:

– Господин Шадлун! Что слышно о ваших французских хозяевах, они вас так и оставили на съедение большевикам?

– Нет, что вы, господин полковник, мы постепенно начинаем устанавливать контакт. Вот Александр Яковлевич был в Париже и привез мне письмо от директора фирмы господина Ремо. Он интересуется, в каком состоянии находятся их шахты. Мы, конечно, дали им... – Шадлун запнулся, – необходимую информацию.

– Мне кажется, нам надо говорить более откровенно, у нас ведь общие интересы, Георгий Акимович, – вмешался Березовский.

Шадлун посмотрел на Березовского и спросил:

– Что, разве можно говорить все?

– Вполне!

– Вы понимаете, когда Ремо бежал с Украины, он дал мне приказание затопить самую рентабельную и крупную шахту, чтобы надолго вывести ее из строя. Но у меня тогда просто рука не поднялась, и потом я считал, что красные недолго продержатся на Украине. В двадцать первом году, когда Юсевич был в Париже, Ремо повторил через него свое распоряжение, и пришлось эту шахту затопить.

– Вы правильно поступили, – заметил молчавший до этого профессор Гатчинсон. – По крайней мере, вы надолго сохраните от хищнической эксплуатации богатое угольное месторождение. Ну посудите сами: у них сейчас специалистов нет, рабочие неопытные, техника устаревшая, изломанная, вот они и вырвут близлежащие пласты, а все остальное обрушат. И вы не мучайте свою совесть, вы это сделали не только в интересах владельцев шахты, а прежде всего

в интересах России. Придут новые хозяева, с новой техникой и начнут нормальную высокоорганизованную эксплуатацию ваших богатых недр.

– Вы правы, – заговорил Рабинович. – Все наши управляющие шахтами, рудниками и многие старые опытные инженеры, как правило, были держателями акций, и после отступления добровольческой армии генерала Деникина они были заинтересованы сохранить шахты в эксплуатационной готовности. Теперь надежд на скорое возвращение старых порядков нет, и вот я им всем теперь доказываю необходимость перевести как можно больше шахт на консервацию, не допустить развертывания угледобычи. Пожалуйста, пусть используют, хоть на полную мощность, нерентабельные шахты с маломощными пластами. Надо непременно сохранить богатые рудники.

– Мне кажется, я в Донецке-Грушевском рудоуправлении поступил правильно, – сказал Березовский. – Когда Донское ЭКОСО проводило классификацию шахт для отбора наиболее ценных для государства, менее ценных – для сдачи в аренду частным лицам в связи с введением, как они называют, нэпа, то мы с группой инженеров занизили классификацию ряда шахт и вот, например, шахту, теперь она называется имени Воровского, где имеется богатейшее месторождение, отнесли к третьей категории и сдали ее мелкому шахтовладельцу Самойлову.

– Вы это сделали ловко, – не без иронии заметил Юсевич, – ведь вы сами стали негласным совладельцем этой шахты.

– Что поделаешь, у меня большевики забрали большие деньги в Азовском банке, и я их хочу вернуть.

– А что порекомендуете мне, господин профессор? – спросил Юсевич. – Ведь у меня в руках только импорт и коммерческие операции, ничего больше. Получаю станки, оборудование от немецких фирм и направляю их на рудники.

Профессор Гатчинсон, казалось, был поставлен в тупик. Он задумался, потом резко сказал:

– Вам будут очень благодарны все владельцы шахт, если вы будете выписывать не те машины, которые нужны, не в том количестве, которое требуется, и направлять их туда, где они не могут использоваться. Это вы можете делать?

– Вполне, – согласился Юсевич.

– Господа! – встал Хаскель. – Вы представляете собой здесь, в этой несчастной голодной стране, интересы деловых людей, горнопромышленников Юга России. Наши обоюдные интересы, то есть интересы владельцев богатого южного края и интересы американских деловых людей, слились воедино. Наш министр торговли мистер Гувер по профессии горный инженер и, как вы понимаете, делает свой бизнес в области горной промышленности. Ему удалось на Западе выгодно приобрести большое количество акций у французских и бельгийских владельцев русских рудников. Таким образом, мистер Гувер является фактическим владельцем многих угольных шахт Донбасса. И мы счастливы, что нам удалось найти вас – достойных русских патриотов, которые, видимо, облегчат нашу задачу в выполнении поручения мистера Гувера. Вы все высказались с большим знанием дела, ваши цели совпадают с желанием мистера Гувера сохранить богатые угольные месторождения южного края от эксплуатации их Советским правительством.

– Ну а как же, – перебил его Юсевич, – немецкие промышленные фирмы, которые сейчас активно взялись за восстановление рудников Донбасса? Из Германии идут машины, горное оборудование, уже начинают прибывать немецкие монтеры и горные специалисты.

– Не беспокойтесь, – остановил его Хаскель. – Мистер Гувер хорошо знает немецких промышленников. Он недавно побывал в Германии и установил с ними деловой контакт. Германии нужно восстановить свой промышленный потенциал, Америка ей в этом поможет. Мы дадим немецким фирмам большие кредиты, наши фирмы и банки примут в этом участие. Мы не можем позволить Англии одной командовать в Европе, нам нужно остановить миллионы

фунтов стерлингов, которые двинул в Германию английский нефтяной король Генри Детердинг. Что касается России, то немецкие фирмы будут поставлять сюда устаревшее горное оборудование, дорогостоящее и некачественное. Мы постараемся, чтобы их монтеры и специалисты не способствовали быстрому монтажу и эффективной эксплуатации машин... Господа! Сегодня я уезжаю в Москву, поручаю полковнику Грову поддерживать с вами контакт. Двери нашей конторы АРА всегда открыты для вас. Помощь АРА прежде всего будет направлена на поддержку русских, сочувствующих американскому образу жизни и идеям. Повторяю – наши продовольственные склады для вас всегда открыты!

* * *

Советская Россия напрягает все силы, чтобы преодолеть голод, разорение и разруху. К пролетариату всего мира обращен голос Ленина:

«...требуется помощь. Советская республика рабочих и крестьян ждет этой помощи от трудящихся, от промышленных рабочих и мелких земледельцев.

Массы тех и других сами угнетены капитализмом и империализмом повсюду, но мы уверены, что, несмотря на их собственное тяжелое положение, вызванное безработицей и ростом дороговизны, они откликнутся на наш призыв.

Те, кто испытал на себе всю жизнь гнет капитала, поймут положение рабочих и крестьян России, – поймут или почувствуют инстинктом человека трудящегося и эксплуатируемого необходимость помочь Советской республике, которой пришлось первой взять на себя благодарную, но тяжелую задачу свержения капитализма. За это мстят Советской республике капиталисты всех стран. За это готовят они на нее новые планы похода, интервенции, контрреволюционных заговоров.

С тем большей энергией, мы уверены, с тем большим самопожертвованием придут на помощь к нам рабочие...»

Исполком Коминтерна призывает трудящихся всего мира начать сбор средств для спасения от голода молодой Республики Советов. И рабочие разных стран, разных континентов протягивают России руку подлинной, пролетарской помощи...

В нью-йоркском ресторане «Вестре Холл» на «голодный банкет» собралась тысяча рабочих. 10 долларов обед – похлебка и кусочек хлеба. Председатель банкета держит в руках собранные 10 тысяч и под гром аплодисментов объявляет: в помощь русским рабочим!

Перед рабочими Нью-Йорка выступает немецкий коммунист, секретарь Межрабпома. Он говорит:

– После того как блокада не смогла свергнуть Советскую власть, капиталисты Европы и Америки вдруг возликовали: они думали, что обрели нового союзника – голод. Но первая в мире Советская республика имеет за границей не только врагов. Ей навстречу горячо бьются сердца рабочих всех стран. Они видят в Советской России надежный оплот мирового пролетариата. Рабочие Советской России обратились за помощью к своим заграничным братьям – и первый корабль с хлебом отплыл в Петроград, чтобы вступить в бой с голодом!

Перед английскими докерами говорит член Центрального Комитета Британской компартии, секретарь Межрабпома:

– Работа Межрабпома – одно из звеньев всей освободительной борьбы мирового пролетариата за свержение империалистического ига...

В Берлине к ротфронтовцам и юнгштурмистам обращается Клара Цеткин, председатель Заграничного комитета помощи голодающим России:

– Лозунг дня – реконструкция России с помощью рабочего класса всего мира. Межрабпом – интендантство борющегося пролетариата – должен быть готов прийти на помощь туда, где этого потребует борьба пролетариата.

На улицах многих городов мира распространяются брошюры, книги. Рабочие собирают деньги для голодных русских детей – шапка идет по кругу.

Растут как грибы после дождя Общества друзей Советской России – 50... 100... 200... Создаются отделения Межрабпома в Японии, Китае, Индии, Бразилии, Южной Америке.

Из нью-йоркского порта отправляются четыре первых трактора с трогательной надписью «Русскому другу».

Идет погрузка на суда сельскохозяйственного инвентаря и машин, хлеба и риса.

Идет пролетарская помощь первой в мире Советской республике.

Москва на страже... Здесь Ленин

Ночь. Часовой у Боровицких ворот Кремля. Слабо освещены правительственные здания. Ярко светятся только три окна ленинского кабинета.

Молодой красноармеец-курсант на посту у дверей. Из кабинета в коридор, тускло освещенный небольшой лампочкой, выглянул усталый, задумчивый Ленин. Заметив часового, приветливо улыбнулся:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, товарищ Ленин!

– Кажется, товарищ Иванов? Что-то я давно вас здесь не видел...

– По причине моего нахождения на излечении в лазарете, товарищ Ленин.

– И ордена у вас раньше не было. За какие заслуги?

– За участие в подавлении кронштадтского мятежа!

– Да, да... с этой нечистью покончено. Из какой губернии вы прибыли в Москву, товарищ курсант?

– Из Самарской, товарищ Ленин.

– Выходит, мы с вами земляки. Я тоже когда-то жил в Самаре. Да, Самара... Волга, родные места... Скажите, страшно было на кронштадтском льду?

– Уж больно тонок он оказался, товарищ Ленин.

– Вот-вот. Прав был наш метеоролог профессор Михельсон, когда осенью предупреждал о малоснежной зиме и ранней весне, – оживился Владимир Ильич, потом сказал глухо и скорбно: – Напишите своим родным, товарищ курсант, что нынче у вас будет голодно... Хлеб от зноя горит, пусть хоть овощи заготавливают.

И Ленин вернулся к себе в кабинет. Он любил эти тихие поздние часы, когда думалось неторопливо. Подходил к окну и подолгу стоял, погруженный в свои мысли, перебирая в памяти встречи, беседы, тревожные и радостные сообщения прошедшего дня...

Утром была беседа с Красиным, Чичериным и Дзержинским. Тревожно глядя в окно на безоблачное небо, Владимир Ильич говорил:

– Хлеб! Сейчас главное для нас хлеб! Мы закупили на сто миллионов рублей золотом зерна, получили от Межрабпома на четыреста тысяч долларов продовольствия и одежды, и все-таки этого мало, катастрофически мало!

Он быстро подошел к Красину.

– Сейчас многое зависит от вас, Леонид Борисович, от Лондонского торгпредства. Нам очень нужны всякие займы, ибо главное теперь – получить, и притом немедленно, товарный фонд для обмена на хлеб с крестьянами. Этой цели надо подчинить всю политику Наркомвнешторга.

– Мы выталкиваем пароходы с зерном при первой и вообще без всякой возможности. Очень трудно, Владимир Ильич... Антанта, особенно Америка, делает все, чтобы сорвать наши закупки.

Владимир Ильич повернулся к Чичерину.

– Георгий Васильевич, вы обратили внимание на статью в парижских «Последних известиях» – «Милюков и Авксентьев в гостях у американцев»? Эти буржуазные прихвостни главной своей задачей ставят срыв торговых переговоров РСФСР с иностранными государствами.

– Нет, эту не видел, но подобных масса. Ведь сказал же Милюков: «Чем хуже в России, тем лучше для России». Это единый фронт. Милюков приветствует действия Гувера в борьбе со всякой помощью, идущей нам помимо правительства, помимо АРА.

Владимир Ильич резко шагнул к Красину.

– И вот контрнаступление! АРА, чувствуя, что невозможно сдержать рост международной пролетарской солидарности, и понимая наше крайне тяжелое положение, идет на самое мерзкое средство политической борьбы – дать помощь и закабалить экономически. Взорвать Советскую власть изнутри!

– «Бойтесь данайцев, дары приносящих!» – произнес Красин.

– Совершенно верно, Леонид Борисович, но это уже компетенция Феликса Эдмундовича, – Ленин широким жестом указал на Дзержинского. – Мы же, как ни тяжело, как ни мала может оказаться эта помощь, вынуждены будем принять ее, как вынуждены были пойти на Брестский мир, хотя это так же унижительно и горько. Такова тактика сегодняшнего дня, и мы с вами знаем, что это явление временное.

Владимир Ильич молча походил по комнате, как бы вспоминая те тяжелые дни восемнадцатого года, когда совсем молодая Советская республика была поставлена перед необходимостью заключить тяжелейший для себя мир с Германией... Потом остановился около Дзержинского.

– Я доложу о мерах, которые мы предпринимаем, несколько позже, – сказал Дзержинский. – Сейчас же только замечу, что конгресс США предоставил АРА право продавать продовольствие и обмундирование за валюту даже бывшим неприятельским странам.

– В подтверждение слов Феликса Эдмундовича я могу привести некоторые цифры этой «помощи», – заговорил Чичерин. – Только в течение перемирия Германии было сбыто залежалых товаров на сумму в триста шестьдесят три миллиона долларов, причем учтите, что тонна пшеницы с доставкой в Европу стоила сто двадцать долларов, а продавалась в Европе за сто пятьдесят – двести. Недаром немцы говорят, что это самые дорогие жиры, хлеб и молоко, которые они когда-либо ели и пили.

– Установив монополию на снабжение Европы, – продолжал Дзержинский, – гуверовские эмиссары приобрели в условиях голода и разрухи оружие огромной силы. Гувер не напрасно изрек: «Кто контролирует продовольствие, тот контролирует государство».

– Политика сгущенного молока. Оружие простое – веревка голода. Вот чем они душат народы! – возмущенно воскликнул Ленин.

– Вместе с тем, Владимир Ильич, Гувер добился права, так сказать, «кооперировать» и «стимулировать» внутриевропейскую торговлю.

– Вы имеете в виду решение Верховного союза Антанты от седьмого марта двадцатого года? – обратился к Дзержинскому Красин.

– Да, совершенно верно, Леонид Борисович! АРА было также предоставлено право создать железнодорожную комиссию для руководства железными дорогами сначала в Австрии и Венгрии, а затем во всей Центральной и Восточной Европе. Гувер установил контроль над портами, над добычей угля и другими отраслями промышленности, над телефонными и телеграфными коммуникациями Европы.

– Смотрите, как все, почти все совпадает с требованиями, выдвинутыми в Риге представителем США Брауном, – заметил Ленин.

Чичерин достал из лежащего перед ним портфеля несколько листов бумаги.

– Можем сравнить, Владимир Ильич! Первое – требование собственного телефона и телеграфа, второе – создание комитетов по распределению продовольствия вне всякого контроля со стороны Советского правительства. Всевластие некоронованного короля Гувера.

– Государство в государстве... Не выйдет!

– Владимир Ильич, еще Пуанкаре говорил, что АРА – прекрасный квартирьер для промышленников и торговцев США в Европе, – напомнил Чичерин. – Вот они теперь и у нас, в России, требуют для грузов АРА полного приоритета на транспорте перед советскими грузами,

а также права ввести в России систему продовольственных чеков, а это означает, что любой имущий сможет купить чеки за валюту или другие ценности.

– Это же наглый грабеж, а не спасение голодных и больных!

– Слушайте дальше, Владимир Ильич. На переговорах Уолтер Браун выговаривает для АРА право предпринимать такие шаги, которые им могут потребоваться... вы понимаете, – потребоваться!

– Иначе говоря, – определил Ленин, – транспорт плохо работает – передайте нам железные дороги; нет топлива для транспорта – передайте шахты. Плохо охраняются склады – поставим свою охрану и введем войска. Ах мерзавцы! Мы этого не допустим. Никогда!

– Мы, Владимир Ильич, конечно, отвергли эти гнусные требования, и на слова Брауна, что в конце концов мы должны помнить, что они хотят доставить продовольствие в Россию, Литвинов ответил достаточно ясно: и продовольствие может быть оружием.

– Правильно! Ни под каким видом на соглашение в такой форме мы не пойдем! Георгий Васильевич, американские торгаши хотят создать видимость того, будто мы способны кого-нибудь надуть. Поэтому я предлагаю формально передать им тотчас по телеграфу от имени правительства следующее...

Владимир Ильич на секунду задумался и продиктовал:

– «Мы депонируем золотом в нью-йоркском банке сумму, составляющую 120 процентов того, что они в течение месяца дают на миллион голодных детей и больных». Но условие наше тогда такое, что ввиду столь полной материальной гарантии ни малейшей тени вмешательства не только политического, но и административного американцы не допускают и ни на что не претендуют. Тогда отпадают все пункты договора, дающие им хоть тень права на административное вмешательство. Этим предложением мы утрем нос торгашам...

– Владимир Ильич! – вступил в разговор Дзержинский. – Есть еще один аспект предполагаемой деятельности АРА. Вот последнее сообщение из Лондона. В восточном отделе «Интеллидженс сервис» совсем недавно был проведен инструктаж как для сотрудников отдела, так и для сотрудников немецких и американских разведывательных органов. Присутствовал полковник разведки США Вильям Хаскель. Там же был и наш хороший знакомый по заговору дипломатов Сидней Рейли. Инструктировал начальник восточного отдела разведки доктор Дени Росс – бог разведчиков всего мира, как они сами считают. Не буду вдаваться в частности. Скажу только, что в случае начала деятельности АРА в нашей стране главной их задачей становится наступление на план ГОЭЛРО объединенными усилиями американской, английской и германской разведок. ВЧК считает, что АРА, используя помощь голодающим, попытается установить легализованные каналы разведки.

– Я понял вас, Феликс Эдмундович, – сказал Ленин. – Если договоренность в Риге будет достигнута, то вы, пресекая всевозможные попытки шпионажа, диверсий и особенно вылазки еще сохранившейся в стране белогвардейской нечисти, не должны дать ни одного повода свернуть начатую аровцами работу. Это главное. И вместе с тем ежечасно, ежеминутно учитывайте ту громадную опасность, которую несет в себе АРА.

– Мы создадим особую группу, Владимир Ильич, которая этим займется.

– Хорошо, Феликс Эдмундович, я надеюсь на вас.

Несколько дней спустя Лидия Александровна Фотиева, секретарь Ленина, пропустила к нему в кабинет Валериана Владимировича Куйбышева – начальника Главэнергостроя и Глеба Максимилиановича Кржижановского – председателя комиссии ГОЭЛРО.

Владимир Ильич встретил их вопросом:

– Что, рабочие со строительства электростанций разбегаются, уходят в деревни? Нужен хлеб, хлеб!!! Знаю, знаю, архисложная проблема... На Украине, в Сибири есть продовольствие, но не хватает исправных вагонов, чтобы вывезти его. Вчера мы с Дзержинским направили всем губисполкомам телеграмму с просьбой оказать помощь управлениям дорог в ремонте вагонов.

Думаю, скоро пустим поезда с хлебом и мясом в голодное Поволжье и на ваши стройки кое-что пойдет.

– Хлеб непременно нужен, но и цемент необходим, Владимир Ильич, – мягко заметил Куйбышев.

– Знаю, и это знаю... Мы уже взяли на прицел новороссийские цементные заводы. Их надо срочно восстанавливать. Цемент и хлеб... Это наша неотложная задача в строительстве электростанций. Вот посмотрите справку Новороссийского экономического совещания – ЭКОСО, как мы его сейчас называем. Им тоже многое нужно, чтобы восстановить и пустить в ход цементные заводы. Нужно, все нужно! – И Ленин взволнованно заходил по кабинету. – Десять крупных цементных заводов стоят, ждут ремонта и пуска. А ведь они работали на экспорт. Новороссийский порт – это ведь «окно» в Европу, и теперь «окно» закрыто. Его надо как можно скорее открыть для взаимного товарооборота.

Ленин быстро подошел к телефону и вызвал ВЧК, Дзержинского.

– Феликс Эдмундович, вот у меня сидят и плачутся ГОЭЛРОВцы... Им нужен цемент для строительства электростанций, а в Новороссийске стоят десять цементных заводов. Там, видно, саботажники мешают рабочим восстанавливать предприятия. Кого можно туда послать – проверить, помочь?

– Предлагаю послать члена коллегии ВЧК Лациса, Владимир Ильич.

– Согласен, одобряю, вполне одобряю. Он получит мандат от Совета Труда и Оборона. До свидания, Феликс Эдмундович! Ну что? – Чуть наклонив голову, Ленин торжественно объявил: – Считайте, товарищи, цемент у вас будет, только стройте быстрее электростанции.

Довольные Куйбышев и Кржижановский собрались уходить.

– Нет, позвольте, позвольте... еще поговорим, – остановил их Ленин.

Они рады этому, бесконечно рады слушать Ленина. Но глаза Ильича болезненно сужены, резко обозначились складки между бровей. Он всеми силами старается скрывать свое состояние от окружающих, однако это не всегда ему удается. Пули эсерки Каплан, засевшие в его теле, делают свое злое дело. И не дает никаких отсрочек невероятно тяжелая работа... Он растрчивает себя, беспощадно растрчивает!

Вот собрались они, трое волжан, и объединяет их многое.

Кржижановский вместе с Лениным руководил петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Ильичу тогда было всего двадцать пять лет, Кржижановскому – двадцать три. Глеб... Глебушка... Володя... Так они называли друг друга. Теперь Ленину пятьдесят один, Кржижановскому – сорок девять, а Куйбышеву только тридцать три.

Сейчас сердце Куйбышева переполнено восторгом и счастьем от встречи с Лениным. Оба они – и Глеб Максимилианович и Валериан Владимирович – взволнованы, готовы ловить каждое его слово. Они убеждены – Ильич будет учить их искусству управления. Куйбышев руководит комиссией по восстановлению крупной промышленности, контролирует работу ряда главных управлений. Он старательно изучает одну отрасль промышленности за другой. Сейчас основное – строительство электростанций. Ленин назвал план ГОЭЛРО второй программой партии. И Куйбышеву с Кржижановским предстоит практически возглавить его осуществление. Им так необходимы советы Ильича...

Ленин ласково прищурил глаза и спросил:

– Вы помните, Глеб Максимилианович, эпиграф к вашей брошюре об электрификации – «Век пара – век буржуазии, век электричества – век социализма»?

– Да, конечно, Владимир Ильич, помню...

В это время Куйбышев, глядя на Ленина, вспомнил высказывание о нем Дана, меньшевистского лидера: «Ленин непобедим, потому что нет больше такого человека, который все двадцать четыре часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыс-

лей, кроме мыслей о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка справьтесь с ним!» Так говорят об Ильиче даже враги...

Ленин прервал размышления Куйбышева вопросом, читал ли он записки Генри Форда «Моя жизнь и достижения»?

– Нет? Советую почитать! Форд описывает свое восхождение от слесаря-недоучки до крупного промышленника, автомобильного короля. Но не в этом суть. Нам прежде всего интересно, когда он ведет речь о научной организации производства. У него опыт, у него школа. Производство расщеплено на операции. За конвейером будущее. В минуту – шесть готовых автомобилей... Нам бы так!

Слушая Ленина, Куйбышев понял, что Ильич приоткрывает ему перспективы, определяет направление будущей работы. «Как он мудр, как дальновиден... Он тончайший психолог и видит тебя насквозь», – подумалось ему.

– Поговорим о другом, – предложил Ленин. – Вот вы увлеклись технической стороной строительства электростанций, но не забывайте, что экономика – самая интересная политика. Сколько сейчас раздается глупых речей: мол, сначала восстановим хоть часть старого, прежде чем строить новое?! Звучат насмешки над якобы фантастичностью нашего плана ГОЭЛРО. Говорят даже, что нынешняя электрификация похожа на электрофикацию... Одобрив план ГОЭЛРО, VIII съезд Советов поручил ВСНХ развернуть самую широкую пропаганду этого плана, вплоть до изучения во всех учебных заведениях республики. А некоторые наши литераторы не пропагандируют выработанного плана, а пишут тезисы и пустые рассуждения о том, как подойти к его выработке! Сановники ставят ударение чисто бюрократически на необходимости «утвердить» план, понимая под этим не вынесение конкретных заданий – построить то-то и тогда-то, купить то-то за границей, – а нечто совершенно путаное, вроде разработки нового плана! Больше года назад, в феврале двадцатого, сессия ВЦИК приняла резолюцию об электрификации, где сказано, что для Советской России впервые предоставляется возможность приступить к более планомерному хозяйственному строительству, к научной выработке и последовательному проведению в жизнь государственного плана всего народного хозяйства. И план ГОЭЛРО стал первым шагом великого хозяйственного начинания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.